

Сегодня ночью я целую в грудь
Всю круглую воющую землю!
Вздыхаются не волосы – а мех,
И душный ветер прямо в душу дует.
Сегодня ночью я жалею всех, –
Кого жалеют и кого целуют.

Образ бессонной, бездомной черницы как служанки, ключницы, хранительницы Москвы и всей земли русской и ее действий *сегодня ночью* реализуется в процессе текстового развертывания через последовательное употребление ВЛП и переменных компонентов.

Таким образом, данные ВЛП являются полифункциональным явлением, привлекая внимание читателя к важным, по мнению автора, фрагментам текста, они обуславливают общую логику текстового развертывания, становятся ведущим фактором текстообразования.

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов:

1. Одной из основных функций, выполняемой ВЛП в системе текста, является текстообразующая функция. ВЛП как тип выдвижения представляет собой значимый фактор текстообразования, позволяющий раскрыть особенности мировидения автора.

2. В зависимости от способа выдвижения повторяющегося компонента (доминанты) выделяются ВЛП, основанные на полном и неполном параллелизме. Каждое последующее употребление ВЛП, основанных на полном параллелизме, свидетельствует о новом витке развития темы и образов, об очередном этапе раскрытия и продвижения авторского замысла. Смысловая теснота, возникающая из-за частого и многократного употребления данных ВЛП, позволяет ярче проследить особенности концептуальной картины автора.

3. ВЛП, основанные на неполном параллелизме с переменным компонентом, помимо текстообразующей функции, выполняют важную структурообразующую функцию. Основным предназначением данных ВЛП является способность актуализировать, привлекать внимание читателя к определенному фрагменту текста, являющемуся, по мнению автора, основополагающим в понимании общего смыслового содержания текста.

4. Анализ текстообразующей функции ВЛП требует дальнейшего исследования, а изучение особенностей функционирования ВЛП в тексте и выявление способов их взаимодействия с контекстом позволяют вскрыть механизм текстового развертывания.

Поступила в редакцию 29.12.2006

Литература

1. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. Ч. III: Структура текста. Текстообразующие возможности языковых единиц. Факторы текстообразования: Учебное пособие для филологов. Томск, 2005.
2. Максимов Л.Ю. Обращение в стихотворной речи // Синтаксис и морфология. М., 1975.
3. Петрова Н.Г. Лексические средства регулятивности в поэтических текстах К. Бальмонта: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2000.
4. Швейцер В.А. Быт и бытие Марины Цветаевой. М., 1992.
5. Болотнова Н.С. О теории регулятивности художественного текста // *Stylistyka Slowianska – Slavic Stylistics*. 1998. Вып. 1998.

УДК 801.6

Т.Е. Яцуга

РЕГУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СРАВНЕНИЯ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ 3. ГИППИУС

Томский политехнический университет

В основе теории регулятивности, одного из направлений коммуникативной стилистики текста, находится положение о том, что автор через особенности словесно-художественного структурирования текста способен направлять интерпретационную деятельность адресата.

Уточним используемые нами ключевые понятия.

Регулятивность художественного произведения имеет «нежесткий, вариативный характер, отличает-

ся подвижностью, образной ориентацией, ассоциативной направленностью» [1, с. 180]. На уровне элементов текста выделяют регулятивные средства, с помощью которых «выполняется определенная психологическая операция в познавательной деятельности читателя» [1, с. 182]. Взаимосвязь регулятивных средств, важнейшими из которых являются лексические, формирует *регулятивные структуры*. На уровне макроструктуры выделяются *способы регуля-*

тивности, различные виды сопряженности стилистических приемов и типов выдвижения [1, с. 181].

Теория регулятивности открывает новые возможности в изучении идиостиля автора, который отражается в наборе доминантных для творчества поэта регулятивных средств и регулятивных структур, поразному организующих познавательную деятельность читателя. На основе изучения особенностей регулятивности поэтических текстов автора становится возможным моделирование концептуальной картины мира, в которой наиболее полно проявляется своеобразие поэтической языковой личности.

Данная статья посвящена исследованию регулятивного потенциала сравнения в лексической структуре поэтических текстов З. Гиппиус. Сравнение рассматривается как доминирующее регулятивное средство, значимое для экспликации ключевых концептов поэтической картины мира автора.

Сравнение – одно из распространенных средств усиления изобразительности, в основе которого лежат отношения сходства. Регулятивные возможности сравнения непосредственно связаны с его структурой. Как известно, данный компаративный троп «включает в себя сравниваемый объект (объект сравнения), предмет, с которым происходит сопоставление (средство С), и их общий признак (основание) [2, с. 418].

В поэтических текстах З. Гиппиус **регулятивный потенциал** (возможности потенциального воздействия на читателя) сравнения определяется: доминированием типа смысловых отношений в рамках сравнения (*усиление, дополнение, контраст*); вербализацией признаков (оснований) сравнения в лексической микроструктуре текста, в том числе их количеством и значимостью (основной/периферийный, объективный/субъективный, постоянный/временный); сопряженностью тропа с другими регулятивными средствами в лексической структуре текста (в том числе близких семантически и по звуковому облику).

Докажем это.

«Универсальными, значимыми на всех этапах смыслового развертывания произведения (от высказываний, блоков высказываний до целого текста), являются смысловые отношения *дополнения, усиления, контраста*, отражающие разный характер структурирования смысловых признаков воплощенных в тексте реалий художественного мира, репрезентированных лексически» [3, с. 286].

Отношения *усиления* связаны с «многократной актуализацией одного или нескольких семантических признаков изображаемых явлений» [3, с. 206]. Отношения *дополнения* выявляются благодаря актуализации одного или нескольких семантических признаков изображаемых явлений. Отношения *контраста* формируются на основе парадоксального

сочетания признаков одного или разных элементов воплощенной в тексте художественной действительности [там же, с. 206].

I. Обратимся к разновидностям отношений усиления в сравнительных конструкциях.

«Эксплицитное (семантическое) и имплицитное (ассоциативно) усиление можно дифференцировать по тому, на каком уровне (семантическом или ассоциативном) оно происходит» [3, с. 214]. В поэтических текстах З. Гиппиус выявлены три разновидности отношений усиления в сравнительной конструкции. *Эксплицитное* (семантическое), основанное на повторе отдельных сем (семное) или семем (семемное) [3, с. 211]. В основе *эксплицитно-имплицитного* усиления находятся узуальные ассоциативные связи слов. К данному типу усиления можно отнести и сравнительные конструкции, в которых вербализуется «максимум» признаков уподобления реалий, апеллирующих к наглядно-чувственным представлениям адресата. *Имплицитное* усиление основано на уникальных ассоциациях и отражает специфику индивидуально-авторского представления о мире.

Согласно наблюдениям С.В. Сыпченко, сделанным на материале творчества Н.С. Гумилева, в большинстве сравнительных конструкций «отношения *усиления* явно выражены при вербализованности основания сравнения, так как в таких случаях признак изображаемых предметов, явлений, состояний, ситуаций и т.д. актуализируется в субъектной и объектной части [4, с. 111]. Проанализированный нами материал позволяет сделать вывод о том, что в поэзии З. Гиппиус вербализованные признаки сопоставляемых реалий актуализируют отношения усиления.

Эксплицитное усиление

На основе приема интроспекции было установлено, что яркой регулятивностью в лирике З. Гиппиус обладают сравнительные конструкции с **эксплицитным семным усилением** благодаря актуализации объективных оснований уподобления, стимулирующего, как правило, визуальные представления читателя. В поэтических текстах З. Гиппиус при семном усилении уподобление объекта и предмета сравнения наблюдается по общности цвета, свойства, производимого действия.

Так, усиление семы «*белый цвет*» наблюдается в следующем примере:

– *На скатерти холодной неубранный прибор, / Как саван белый, складки свисают на ковер* («Часы стоят») (Саван – «... покров из белой ткани для покойников» [5, IV, с. 11]).

Усиливаться может производимое действие:

– *Моя любовь – стрелы острей и уже конец зазубрен: ты его не вынешь* (Стрела – «Тонкий стержень с заостренным концом или с острым наконеч-

ником...» [5, IV, с. 285]). Сопоставление объекта (любовь) и предмета сравнения происходит на основе способности сильного чувства покорять человека (пронзая сердце).

Анализ поэтических текстов З. Гиппиус показал, что в большинстве случаев **эксплицитное семное усиление** в силу актуализации временных, ситуативных признаков обладает слабым регулятивным потенциалом.

– Я шел по стьлому, седому льду. / Мой каждый шаг – ожоги и порезы. / Искал тебя – и знал, **что не найду**. / Как синтез **не найду** без антитезы («Тщета»).

Повтор лексемы *не найду* в данном текстовом фрагменте актуализирует микросмысл «беспомощность». Сопоставляющая часть не содержит новой информации, пояснения, необходимого для уподобления. Актуальный смысл тропа можно определить так: «я тебя не найду, потому что невозможно найти». Возможно, этого человека не существует (поиск идеала) или речь идет о невозможности найти близкого по духу человека в силу отчужденности людей друг от друга. Прагматический эффект создается необычностью сопоставления и его «рационалистичностью». Подчеркнутый рационализм человека, обреченного на вечный поиск, и связанные с ним страдания и боль овеяны драматизмом.

Имплицитно-эксплицитное усиление

Имплицитно-эксплицитное усиление в рамках сравнительной конструкции выделено прежде всего с ориентацией на ассоциативную норму, зафиксированную в Русском ассоциативном словаре.

– Но быть, как этот купол синий, / Как он, высокий и простой, / Склоняться любящей пустыней / Над нераскаянной землей («Как он»).

Лирический герой сопоставляет себя с небом (купол синий). Постпозиция актуализированных признаков соответствует логике текстового развертывания: декодированный читателем троп (перифраз купол синий – небо – см. РАС: голубое 201, синее 36;) становится словом-стимулом для вербализованных реакций в дальнейшем смысловом развертывании текста. Небо (небо – земля 27, высокое 8, высоко 2, пустота 1 [6, I, с. 362]). Признак *высокий* относится к узуальным ассоциатам лексемы *небо*, зафиксированным в РАС, тогда как второй (простой) отражает индивидуально-авторское представление о небе, поясняемое далее в лексической микроструктуре текста. Простой, потому что пустой. Лексемы *простой* и *пустыня* похожи по звуковому облику и в связи с этим обретают семантическое сходство.

Создание эффекта предсказуемости становится возможным в результате вербализации «максимума» признаков уподобления художественных ре-

алий. Подобные сравнительные конструкции обладают яркой регулятивностью.

– «Но слишком тупо кольца жизни сжали / и медленные душат, как змея» («Сонет»).

Детализация и наглядность художественной ситуации достигаются посредством копирования определенной ситуации реальной действительности: змея обвивается кольцом вокруг шеи человека, затрудняя дыхание, что приводит к удушью и смерти. В стихотворении «Сонет» уподобление жизни змее осуществляется на основании экспликации ряда ядерных признаков уподобления: 1) принимаемая пресмыкающаяся форма (кольца), 2) производимые действия (сжимать, душить).

Зрительные ассоциации являются объективными признаками сопоставления.

– «Я в лодке Харона, с гробцом безучастным. / Как олово, густы тяжелые воды» («Там»).

В данном микроконтексте актуализация признака «густы» стимулирует ассоциативную деятельность читателя (зрительные ассоциации): густота и тяжесть воды сближает ее с расплавленным металлом (ср. РАС: металл – тяжелый 28), по которому трудно передвигаться на лодке. Необычность сопоставления подчеркивается и на семантическом уровне приемом оксюморона (густы воды): контраст семантического признака «не жидкий» (Густой – с большой концентрацией чего-либо; не водянистый; не жидкий... [5, I, с. 358] – «жидкость» (вода). В коллективное ассоциативное поле слова-стимула «металл» (олово – ...мягкий, ковкий серебряный – белый металл» [5, II, с. 616]) входит частотный ассоциат «тяжелый» – 28 реакций [6, I, с. 318]). Лексема «тяжелые», с одной стороны, ассоциируется со свойством воды в реке Стикс, а с другой – отражает эмоциональное состояние лирического героя, попавшего в царство мертвых.

Прагматический эффект сравнений зависит от пресуппозиционных знаний читателя и может быть слабым и сильным.

– Осень.....И, нити, как Парка, / Седой паутины свивает и тянет, / По гроздьям рябины...

Образы Осени и Парки (см. Парки – богини судьбы [7, с. 199]) сближаются на основе общности производимых действий: «свивает» и «тянет» («ткать паутину» – «ткать судьбу»). В данном микроконтексте сравнительная конструкция сопрягается с приемом олицетворения. Прилагательное *седой* не только указывает на цвет паутины – белый (седой – серовато-белый, белесый [5, IV, с. 69]), но и напоминает, что осень – период увядания в жизни человека.

В результате намеренной актуализации одного, наименее существенного признака, наоборот, может возникнуть эффект обманутого ожидания, связанный с несколькими потенциальными направлениями ассоциирования. Регулятивные возмож-

ности подобных сравнений зависят от активности познавательной деятельности читателя.

Приведем пример: *В желтом закате ты – как свеча. / Опять я стою пред тобой бессловно. / Падают светлые складки плаща / К ногам любимой так нежно и ровно.*

Выдвинутый на первый план признак «желтый» (ср. РАС: *желтый* – свечи. Т. 1, с. 194) отражает внешнее сходство (визуальные ассоциации) художественных реалий. Завуалированный автором основной признак («благоговение, преклонение») получает раскрытие в следующей лексической микроструктуре текста (см. речевые сигналы: *стоять бессловно, падают складки плаща к ногам*). Очевидно преклонение лирической героини перед человеком, который имеет несомненное духовное превосходство над ней. Еще одно из возможных толкований связано со свечой как символом тепла и света...

Имплицитное усиление

Имплицитное усиление основано на уникальных ассоциациях и отражает специфику индивидуально-авторского представления о мире.

– *Припав к моему изголовью, Ворчит, будто выстрелы, тишина, / Запекшейся черной кровью / Ночная дыра полна...* («Гли»).

Объект сопоставления (*тишина*) благодаря приему персонификации превращается из симптома психического состояния в субъекта, способного осуществлять речевое действие, – ворчать (см. ворчать – издавать *негромкие низкие звуки, выражающие недовольство* [5, I, с. 214]. Оксюморон (*ворчит тишина*) (Тишина – *отсутствие звуков* ... [5, IV, с. 369]) отражает парадоксальность ситуации (дата написания «28 октября 1917. Ночь»): «ворчащая тишина» отбирает покой, нагнетает чувство тревоги и опасности. Ворчание и выстрелы – отрицательно маркированные элементы, их сближает ситуация смерти.

Таким образом, на основе приема интроспекции было установлено, что яркой регулятивностью обладают сравнительные конструкции с эксплицитным усилением благодаря актуализации объективных оснований уподобления. Сравнения, в которых уподобление художественных реалий происходит на основании актуализации временных, ситуативных признаков, обладают слабым регулятивным потенциалом. Вербализация максимального количества оснований уподобления создает эффект предсказуемости, тогда как в результате намеренной актуализации одного, наименее существенного признака, наоборот, может возникнуть эффект обманутого ожидания.

II. Отношения контраста

1. При *эксплицитном семемном контрасте*, основанном на антонимах, в результате уподобле-

ния слово изменяет коннотативный оттенок, закрепленный за ним в узусе. При этом противопоставление, свойственное соответствующим реалиям действительности, сохраняется («стертый» контраст).

Рассмотрим в качестве примера стихотворение «Память».

*Недолгий след оставляю я
В безвольной памяти людской.
Но этот призрак бытия,
Неясный, лживый и пустой, –
На что он мне? ...
Нет жизни в памяти чужой.
И память, как забвенье, – тень.*

(«Память»)

В данном микроконтексте сравнение включает в смысловую парадигму регулятивных средств *безвольная память – призрак бытия – память, как забвенье, – тень*. Основное свойство памяти – способность волевыми усилиями воспроизводить необходимую информацию, впечатления (память – *способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления*) [5, III, с. 16]) – утрачивается из-за синтагматических связей данной лексемы с прилагательным *безвольная*. Перифраз «*призрак бытия*» (*неясный, лживый, пустой*) актуализирует смысл «мираж», «слабое подобие» (призрак – *что-то только кажущееся возможным, реальным; мираж* [5, III, с. 411]), который усиливается в сравнительной конструкции (*тень – слабый след или слабое подобие чего-либо* [5, IV, с. 353]). Последние два тропа (перифраз и сравнение) находятся в отношениях усиления, репрезентируя микросмысл «слабое подобие» памяти. Актуализированный в сравнительной конструкции признак (*тень*) уподобляет память забвению, память интерпретируется как слабые смутные воспоминания о чем-либо перед полным забвением, становится отрицательно маркированным элементом текстовой системы.

2. При *эксплицитно-имплицитном контрасте*, основанном на узуальных ассоциативных связях слов, эксплицируются значимые в лирике 3. Гиппиус концептуальные оппозиции.

Например, концепты «огонь» – «холод»:

Что холодит меня во мне так странно? / Я слушающая, не слышу сердца, / Как будто льда обломок острогранный / В меня вложили тайно вместо сердца («Опустошение»).

В данном микроконтексте сопоставляются смысловые признаки «горячее» (*сердце*; ср. один из частотных ассоциатов на слово-стимул *сердце* – горячее 37 [6, I, с. 582] и холодное (*обломок льда*)). Данные контекстуальные антонимы (*сердце* – *льда обломок острогранный*) актуализируют перифе-

рийные признаки «милосердный», «живой» (сердце) – «жестокий» (острогранный – ранящий и причиняющий боль), «мертвый».

3. При **имплицитном контрасте** активизируется пресуппозиционный фон, связанный с предшествующим социальным и языковым опытом адресата [3, с. 225].

*Я к близкому протягиваю руки,
Тебе, Живому, я смотрю в Лицо,
И, в светлости преображенной муки,
Мне легок крест, как брачное кольцо.*
(«Брачное кольцо»)

Особенность эмоционального состояния лирического героя раскрывает прием оксюморона (легок крест): (крест – *испытания, страдания, выпавшие на чью-то долю* [5, II, с. 127]).

В основе уподобления сходство эмоционального отношения (легкость) к любому проявлению божественной воли: как к страданию, так и к счастью. Эксплицируемый признак *легок* частично нейтрализует контраст, основанный на контекстуальных антонимах «крест – кольцо».

Заметим, что отношения контраста актуализируются значительно реже, чем отношения усиления. Это связано с тем, что специфика сравнения как тропа заключается в уподоблении, а не противопоставлении реальных, поэтому можно говорить о «стертом» контрасте. К ярким регулятивам относим сравнительные конструкции, отношения контраста в которых основаны на узуальных антонимах.

III. Дополнение

Дополнение как тип смысловых отношений характеризуется непротиворечивой передачей информативных сигналов разных явлений, воплощенных в художественном произведении [3, с. 226]. Об **отношениях дополнения** в сравнительной конструкции можно говорить, когда «признак сравнения не назван, а лексические единицы объектной и субъектной частей не имеют общих сем» [4, с. 112]. Прагматический эффект сравнения, в котором признак уподобления не эксплицирован, будет слабее. В связи с этим, как правило, в одной из структурных частей тропа наблюдается выдвигание смысловых признаков, связанных отношениями усиления или контраста. В ином случае усиление прагматического эффекта достигается в результате взаимодействия тропа с когерентными (однородными) регулятивными средствами в ближайшем контексте.

Приведем пример:

– Ты мне – как свежая вода / среди земного зноя («Ты»).

Отношения дополнения наблюдаются между частями сравнительной конструкции. Отношения-

ми контраста связаны смысловые признаки «прохладный» (*свежая вода*) – «жаркий» (*земного зноя*) в сопоставляющей части сравнения. Их актуализация раскрывает уникальность субъекта сравнения (возлюбленной) для лирического героя.

Отношения **дополнения** (признак уподобления не эксплицирован) не являются частотными в организации данного тропа, а их регулятивные возможности определяются экспликацией семантических признаков в одной из структурных частей сравнения, связанных отношениями усиления и контраста.

Кроме «семантического устройства» [4], регулятивный потенциал сравнительной конструкции определяется ее ролью в регулятивной лексической структуре текста, взаимодействием с другими регулятивными средствами.

– В этот вечер, в этот вечер веселый, смеялся месяц, узкий, как золотая нить («Алмаз»).

В данной лексической микроструктуре сравнение включается в систему приемов, формирующих конвергенцию как тип выдвигания: олицетворение (*смеялся месяц*), звукопись (*смеялся месяц*), семантический повтор (*веселый – смеялся*), перифраз, основанный на метафоре (*золотая нить*). Детализация художественного образа (форма, цвет, эмоциональное состояние) направлена на выдвигание микросмысла «яркость» (золотого цвета), «радость» (лексемы «веселый», «смеялся»).

Сравнительные конструкции стимулируют познавательную деятельность читателя на уровне элементов высказывания и блока высказываний, а также целого текста. Рассмотрим наиболее интересные случаи организации блоков высказывания и целого текста в лирике поэта.

В стихотворении «Кипарисы» автор поэтапно приобщает читателя к своему мировидению. Лексическую микроструктуру организуют несколько сравнительных конструкций. Тропы располагаются по степени возрастания в них оригинальности признаков уподобления.

– Кипарисы... **Прямей свечи, / Желания колючей, / Они, – мечи, / Направленные в тучи** («Кипарисы»).

Кипарисы уподобляются свече на основе общего эксплицируемого признака «прямой», который указывает на их расположение в пространстве (прямой – *ровно вытянутый в каком-л. направлении, без изгибов* [5, III, с. 551]). В основе сближения конкретного предмета (дерево) с абстрактным понятием (желание) общий признак «колючий» (кипарис – *южное вечно-зеленое хвойное дерево, обычно с пирамидальной кроной* [5, II, с. 49]). Признак «колючий», с одной стороны, намекает на форму кроны, и с другой – на страстное желание цветов покорить небо (колючий – острый). Появление третьего тропа мотивировано предыдущим контекстом, смыс-

ловые признаки «прямой» и «колючий» (острый) усиливаются в образе меча, поднятого и направленного вверх (меч – старинное холодное оружие в виде обоюдоострого длинного прямого ножа с рукояткой [5, II, с. 263]). Меч известен как «символ жизненной силы» [7, с. 168].

В следующем примере сравнение организует макроструктуру целого текста и лежит в основе приема психологического параллелизма, при котором внутренний мир человека раскрывается через описание внешних деталей явлений окружающего мира.

Ключевая роль в смысловом развертывании стихотворения «Сосны» отводится сравнению.

*Желанья все безмернее,
Все мысли об одном.
Окно мое вечернее,
И сосны под окном.
Стволы у них багровые,
Колюч угрюмый сад.
Суровые, сосновые
Стволы скрипят, скрипят.
Безмернее хотения,
Мечтания острей –
Но это боль сомнения
У запертых дверей.
А сосны все качаются
И все шумят, шумят,
Как будто насмежаются,
Как будто говорят:
«Бескрылые, бессильные,
Унылые мечты.
Взгляни: мы тоже пыльные,
Сухие, как и ты.
Качаемся, беспечные,
Нет лета, нет зимы...
Мы мертвые, мы вечные,
Твоя душа – и мы.
Твоя душа, в мятежности,
Свершений не дала.
Твоя душа без нежности,
А сердце – как игла».
Не слушаю, не слушаю,
Проклятье, иглы, вам!
И злomu равнодушию
Себя я не предаю,
Любви хочу и веры я...
Но спит душа моя.
Смеются сосны серые,
Колючие – как я.*

Заглавие текста «Сосны» стимулирует ассоциативную деятельность читателя на основе универсальной пресуппозиции. Вербализованные в тексте объективные признаки художественной реальности (сосны): свойство иголок (колючие), производимые действия (скрипят, качаются, шумят) – совпадают с узуальными ассоциациями на слово-стимул *сосна* (сосны – шумят 4, качаются 3, колючие 2, колючая 1 [6, I, с. 613]). Уподобление (сосны – душа героя) происходит по нескольким признакам: *пыльные, сухие и колючие*.

Образ иглы отражает свойство человеческой психики: «колючесть» души приравнивается к отсутствию нежности, сердечной мягкости, к равнодушию («Твоя душа без нежности, А сердце – как игла»). Сердце – игла, наделенное способностью уколоть, принести боль, символизирует духовную ущербность человека.

Сферы природная и психологическая взаимопроницаемы: сосны, растущие под окном, «заражают» душу человека, искажают внутренний мир лирического я. В финале стихотворения герой окрашивает мир в цвет своей души, колючей и угрюмой: «Смеются сосны серые, / Колючие – как я».

Таким образом, сравнение является одним из ключевых регулятивных средств в лирике З. Гиппиус. Сравнение чаще всего актуализирует ключевые концепты «молчание», «слово», «любовь», «огонь», «пространство» (небо), «зеркало», реже – концепты «смерть», «душа», «жизнь», «холод». По результатам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что регулятивный потенциал сравнения зависит от эксплицированности признаков сравнения в лексической микроструктуре, от их количества и значимости, сопряженности тропа с другими регулятивными средствами в лексической структуре текста. К ярким регулятивным средствам относятся сравнительные конструкции, актуализирующие наглядно-чувственные представления читателя. Абстрактность актуализируемых признаков снижает прагматический эффект тропа. К ярким регулятивам относятся сравнительные конструкции с эксплицитным семным усилением, эксплицитно-имплицитным усилением, основанным на узуальных ассоциативных связях слов, а также сравнения с актуализацией «максимума» признаков уподобления художественных реалий. Сравнительные конструкции наиболее часто организуют познавательную деятельность читателя на уровне элементов высказывания, реже – блока высказываний и целого текста.

Поступила в редакцию 29.12.2006

Литература

1. Болотнова Н.С. О теории регулятивности художественного текста // *Stylistika: Stylistika slowianska. Slavic Stylistiks*. Вып. VII. 1998. Opole, 1998.
2. Литературный энциклопедический словарь / Под. общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М., 1987.
3. Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск, 1992.
4. Сыпченко С.В. Компаративные тропы как регулятивное средство в поэтических текстах Н. Гумилева // Болотнова Н.С., Бабенко И.И., Васильева А.А., Карпенко С.М., Орлова О.В., Сыпченко С.В., Тюрина Р.Я. Коммуникативная стилистика художественного текста: Лексическая структура и идиостиль / Под ред. проф. Н.С. Болотновой. Томск, 2001.
5. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1984–1988.
6. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7000 / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова и др. М., 2002.
7. Бидерманн Г. Энциклопедия символов: Пер. с нем. / Общ. ред. и предисловие Свенцицкой И.С. М., 1996.

УДК 801.6

А.В. Курьянович

АНАЛИЗ ПРАГМАТИКИ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ЭПИСТОЛЯРНЫХ ТЕКСТАХ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ В АСПЕКТЕ ЧИТАТЕЛЬСКОГО ВОСПРИЯТИЯ

Томский государственный педагогический университет

Данная статья посвящена анализу типологических и прагматических особенностей окказиональных лексических единиц в письмах М.И. Цветаевой с точки зрения их восприятия по показаниям языкового сознания «среднего» носителя языка (Ю.Н. Караулов).

Рассмотрение данной проблемы видится чрезвычайно интересным и перспективным как в плане изучения особенностей идиостиля автора, так и для выявления жанрово-стилевой оригинальности эпистолярных текстов в целом. Весьма эффективно в этом отношении использование методики анализа текста и отдельных его единиц с опорой на читательское восприятие посредством проведения эксперимента.

Проблемы речевой прагматики уже рассматривались в лингвистике (см. работы Н.Д. Арутюновой, Э.С. Азнауровой, Б.А. Абрамова, Н.С. Болотновой, Г.В. Колшанского, Ю.С. Степанова, Т.А. Трипольской, Н.И. Формановской, Л.А. Черняховской, а также материалы из сборников научных трудов «Коммуникативные аспекты слова в текстах разной жанрово-стилевой ориентации» (Томск, 1995) и «Коммуникативные аспекты слова в художественном тексте» (Томск, 2000)).

В коммуникативной стилистике прагматичность текста определяется в деятельностном аспекте как «способность вызывать коммуникативный эффект, отражающий интенцию автора, его коммуникативную стратегию и концептуальную картину мира» [1, с. 36]. Основной формой репрезентации прагматического уровня в текстах разных типов, языковыми

сигналами эффекта воздействия выступают лексические средства. В этом плане лексические единицы, организующие познавательную деятельность читателя, характеризуются как текстовые лексические регулятивы (см. работы Н.С. Болотновой, И.И. Бабенко, А.А. Васильевой, С.М. Карпенко, Н.Г. Петровой, И.Н. Тюковой, Р.Я. Тюриной).

Исследование прагматических свойств текста в первую очередь связывается с фактором читательского восприятия. Одним из способов исследования текстовой прагматики в данном аспекте является обращение к показаниям носителей языкового сознания (см. исследования О.И. Блиновой, Н.С. Болотновой, Т.М. Дридзе, А.Е. Ивановой, Е.В. Ивановой, О.Л. Каменской, А.Н. Ростовской и др.).

Понятие *языковое сознание* активно разрабатывается в современной лингвистике, антропоцентрический характер которой выдвинул в качестве ключевой для исследователей проблему языковой личности (см. труды Г.И. Богина, Ю.Н. Караулова и др.). Так, О.И. Блинова, анализируя вопросы теории мотивации слов, говорит о показаниях языкового сознания как важнейшем источнике исследований: «Лексикологические явления должны изучаться с учетом показаний языкового сознания» [2, с. 122]. Об этом же свидетельствует А.Н. Ростова в своей работе «Показания языкового сознания носителей диалекта как источник лексикологического исследования», отмечая, что языковое сознание выступает главным признаком языковой личности, реализующимся в ее речевом поведении [3].